

Гу Сяодун изнывал от усталости, а плакал и того пуще. Нахлынувшая тоска щемила грудь, и он уже сам не понимал, его ли это собственное горе или чужое, перенятое у кого-то по чистой случайности. Он чувствовал себя раздувающимся кожаным мячом: не дай он волю слезам прямо сейчас, не выпусти этот пар, его просто разорвало бы на части.

Выревевшись вволю, он судорожно закачался в воде, все еще сжимал в объятиях Гу Цзиньюя. По темной глади пошли круги. В панике Гу Сяодун превратился в сущего болтуна:

— Гу Цзиньюй, Гу Цзиньюй! Да подай же ты голос! Неужто нахлебался так, что умом тронулся? И почему у этого пруда ни единого бережка нет? Ты же такой долговязый и тяжеленный, я тебя просто не удержу! Сильно худо? Держись, сейчас позову кого-нибудь! Чжу Ми! Братец Чжу! Чжу-хранитель!

Звонкий, чистый голос разнесся над извилистыми галереями и беседками, вспугнув дремавших в отдалении белых голубей. Гу Сяодун проводил взглядом стайку белоснежных крыльев и снова в отчаянии затряс бесчувственное тело:

— Птицы и те прилетели! А люди-то где?

Подобная бревну туша в его руках наконец шевельнулась. Гу Сяодун ощутил, как Гу Цзиньюй навалился на него всем телом, уткнувшись лицом ему в плечо, а в следующее мгновение над самым ухом пронзительно свистнули.

Поднялся ветер. В один миг на краю террасы выросла стремительная тень. Словно пикирующая птица, незнакомец ринулся к воде и в мгновение ока оказался рядом.

Это был юноша лет шестнадцати, точная копия Чжу Ми в миниатюре. Однако, в отличие от сурового и вечно бесстрастного старшего, этот паренек так перепугался, что лишился лица. Вскочив на перила галереи, он отчаянно протянул руку вниз и закричал:

— Четвертый молодой господин! Как вы оказались в воде? Быстрее, руку мне!

Гу Сяодун воспрянул духом и уже приготовился из последних сил подтолкнуть Гу Цзиньюя вверх, как вдруг почувствовал, что под водой чьи-то крепкие ладони обхватили его за талию и бесцеремонно вытолкнули на воздух.

— Забирай его.

—... Слушаюсь!

С шумом полетели брызги. Опешивший Гу Сяодун глянул вниз. Слезинка, застывшая на его ресницах, сорвалась и упала прямо на лоб Гу Цзиньюю, медленно скатившись во впадину его глаза. Но тот даже не моргнул. Он смотрел снизу вверх — бледный как полотно, с бездонным,

пугающе спокойным взглядом.

Гу Сяодун перестал плакать.

Он ощутил, как переменялось витавшее вокруг Гу Цзиньюя облако чувств. Тяжелая, удушающая безысходность бесследно растаяла, уступив место ледяному спокойствию и безупречному равнодушию.

Гу Сяодун замер, растерявшись. О чем думал этот человек там, на самом дне, и о чем думает теперь, качаясь на водной глади?

Гу Цзиньюй только что едва не расстался с жизнью, но откуда в нем столько сил? На его бледных руках вздулись синие вены. В этом облике — изможденном, мертвенно-белом лице и сорванных, искусанных губах — сквозило странное, чарующее созвучие хрупкости и несокрушимой мощи.

«Словно лотос, пробившийся сквозь болотную жижу», — невольно подумал Гу Сяодун.

Цзиньюй походил на те недостижимые цветы с горных круч, о которых грезят южные сборщики кувшинок: сорвать нельзя, но и глаз отвести невозможно.

Юноша тем временем поднатужился и рывком вытянул Гу Сяодуна из воды. Полет оборвал все романтические мысли. Охнув, новоявленный барин растянулся на дощатом полу галереи вверх тормашками. Зато когда парень принялся доставать Гу Цзиньюя, его бережности и почтению мог бы позавидовать сам императорский евнух.

Гу Сяодун лишь тихонько побряхтывал, пока в его голове роились десятки нелепых мыслей.

«Почему меня вытащили, словно грязную репу из грядки, а его — бережно, будто редкий лотос из дорогого котелка? Выглядит как изысканное, лоснящееся блюдо в соусе, не иначе».

Стоило Гу Цзиньюю покачнуться, как юноша взволнованно подхватил его под локоть и уставился на Гу Сяодуна полным ярости взглядом, даже не разобравшись в случившемся:

— Ты еще откуда выискался, негодяй? Как ты посмел затащить четвертого молодого господина в воду да еще и бесстыдно лапать его?! Вот доложу обо всем управляющему Чжу, он с тебя шкуру спустит!

Гу Сяодун отряхнулся по-собачьи, отчего мокрый пучок на его макушке смешно съехал набок. Кряхтя и отдуваясь, он поднялся на ноги. На несправедливые обвинения он и не подумал обижаться — не в его привычках было платить злом за глупость. Позабыв про Гу Цзиньюя, он с любопытством уставился на юного спасителя:

— Ого! Да ты вылитый Чжу Ми, только помоложе! Брат его, верно? Разительное сходство, только вот у тебя лицо куда живее, а не как каменное изваяние.

Паренек насупился, его взгляд замер на припухших и разбитых губах Гу Сяодуна. Он уже открыл было рот, чтобы огрызнуться, но тут из-за поворота наконец явился Чжу Ми. Судя по всему, он до последнего пытался изображать глухого и немого, но, завидев мокрую троицу, понял, что дело принимает скверный оборот, и его вечно безразличное лицо слегка исказилось.

Управляющий приблизился размашистым шагом и почтительно поклонился:

— Четвертый молодой господин? Как вы здесь оказались?

Затем он сурово прикрикнул на своего уменьшенного двойника:

— Чжу Лю, знай свое место! Пред тобой новоявленный молодой господин, кузен нашего хозяина. Не смей дерзить господам!

Гу Сяодун стер ладонью остатки влаги с лица и мимоходом коснулся языком губы, слизывая едва ощутимый привкус крови.

«Один — Чжу Ми, другой — Чжу Лю, — подумал он с веселым удивлением. — Старший — холодная чугунная чушка, младший — сущая лучина горящая. Ну и парочка!»

Видя, в каком плачевном состоянии находятся оба господина, Чжу Ми без лишних слов повел их к ближайшим постройкам — в покои, выделенные для Гу Сяодуна. Юный Чжу Лю бережно вел под руку Гу Цзиньюя. Чжу Ми, разумеется, и пальцем не пошевелил, чтобы помочь Гу Сяодуну. Тот плелся позади сам, едва переставляя ноги под тяжестью взмокшего платья. Стоило им переступить порог комнаты, как новоиспеченный барин, замерзший, голодный и изнуренный до предела, кулем свалился прямо на пол и жалобно заскулил.

Челядь беспрекословно повиновалась приказам Чжу Ми, и почти все слуги сбежались ухаживать за Гу Цзиньюем. Лишь один дюжий слуга, ухватив Гу Сяодуна поперек живота, точно беззащитного ягненка, перенес его во внутренние покои.

— Послушай, а нельзя ли мне раздобыть лохань какую? Или чан побольше, ну вроде садового водоема... — сонно пробормотал Гу Сяодун, округляя руки в воздухе. — Так охота забраться в горячую воду да вздремнуть часок-другой...

Слуга лишь недоуменно почесал затылок, но к делу подошел со всей крестьянской хваткой. Он действительно притащил из сада огромный глиняный чан, в котором обычно держали воду для цветов, наполнил его теплым кипятком и уже вознамерился сорвать с господина одежду, чтобы поскорее окунуть бедолагу в воду.

Гу Сяодун так и покатылся со смеху:

— Пстой, пстой, я сам! Пельмени варят в тесте, шкурку с них снимать не надо!

Прямо в нижнем белье он скользнул в чан, ловкий как вьун, и блаженно выдохнул. Зажмурив глаза, он свернулся на дне в три погибели — поза была нелепой, но на редкость уютной. В таком причудливом положении он мгновенно заснул.

Тяжелое потрясение от утренней встречи с новоявленными родителями растворилось в теплой воде, унося тревоги прочь. В полузабытьи он грезил о светлом завтрашнем дне, вспоминал Чжан Дэнцина и думал о Гу Цзиньюе.

Сквозь сон он даже тихонько напевал простенький мотив под нос, убаюкивая самого себя. Ему было хорошо и спокойно в этом маленьком мирке.

Вдруг какая-то влажная, мягкая прядь коснулась его губ, словно речная водоросль. Сонно приоткрыв веки, Гу Сяодун увидел стоявшего над ним Гу Цзиньюя. Тот уже переоделся в сухое платье, но его длинные волосы все еще оставались влажными. Гу Сяодуну безумно захотелось прикоснуться к ним.

Он не стал сдерживать порыв и протянул руку. Мелкие капли с его пальцев осели на длинных ресницах Цзиньюя, бросавших тень на бледные скулы.

— Гу Сяодун, — негромко позвал Гу Цзиньюй. Его голос звучал так же мягко и вкрадчиво, как при их первой встрече. — Ты совсем не держишь на меня зла?

— Что наши судьбы перепутались — в том нет твоей вины... — обронил он внезапно.

Хоть гость и выразился обиняками, Гу Сяодун сквозь дрему уловил его мысль. Сладко зевнув, он лениво забормотал:

— Ты такой смышленный, ладный, как тебя не любить? Рос в этом огромном тереме, поди, ломал себя под их дурацкие правила, натерпелся всякого... Я как на тебя глянул, сразу смекнул — сильный ты человек. Мой батюшка говаривал: заметишь достойного мужа — тянись за ним. Ты у нас благородный из благородных, редкость невиданная, прямо как панда из дальних лесов. А на панд я страсть как люблю смотреть.

Речь Гу Сяодуна текла хаотично, но Гу Цзиньюй уловил суть. Не в силах поверить в столь легкий нрав и простодушие собеседника, он лишь тонко усмехнулся:

— Ты объявился слишком поздно. Приди ты на три месяца раньше, до того как меня представили ко двору, тебе бы не пришлось сейчас терпеть все эти невзгоды. Наша подмена стала необратимой, и тебе меня уже не заменить. На редкость злая шутка судьбы, не

находишь?

Гу Сяодун послушно и со знанием дела поддакнул:

— Ага, судьба-злодейка, будь она неладна!

Гу Цзиньюй лишился дара речи.

Немного взбодрившись, Гу Сяодун пошевелился в теплой воде, из которой ему не хотелось вылезать ни за какие коврижки. Он ухватил Гу Цзиньюя за руку, слегка потянул на себя и с надеждой уставился снизу вверх блестящими глазами:

— Послушай, Цзиньюй. Раньше я был простым разносчиком Чжан Сяодуном, а с завтрашнего дня придется изображать благородного барина Гу Сяодуна. Ты ведь у нас вон какой мастак в этих делах, подскажи пару хитростей, а? Или хотя бы замолви за меня словечко перед Чжу Ми. Пусть не судит строго. У него ведь лицо — чистая квашня невыбродившая, такое же кислое да черствое. С нелюдимыми каши не сварить, тоскливо с ними до жути.

Гу Цзиньюй промолчал.

Впервые в жизни кто-то пытался перед ним заискивать и капризничать. Да еще так бесхитростно, заходя на второй круг.

— Ну поделись умом-разумом, выручи! Хочу поскорее всему выучиться, чтобы матушка меня хоть разок похвалила. Представляешь, как здорово будет? И с братьями-сестрами охота поладить, разговориться, подружиться наконец...

Чистые, как родниковая вода, помыслы Гу Сяодуна читались в его распахнутых глазах. Гу Цзиньюй медленно склонился к нему. Влажные пряди его распущенных волос скользнули прямо в ладонь юноши, и тот бережно сжал их в кулаке.

— Разумеется, я помогу тебе, — вкрадчиво прошептал Гу Цзиньюй. — Но с одним уговором. Поклянись, что никто не узнает о том, что случилось сегодня утром у пруда. Согласен?

— Договорились, договорились! — охотно закивал Гу Сяодун, рассеянно перебирая его шелковистые локоны. Но тут же полюбопытствовал: — А топишься-то ты зачем?

— Потому что ты меня поцеловал, — ровным тоном соврал Гу Цзиньюй, выбирая самый нелепый предлог, лишь бы уйти от ответа. — Пусть это и было ради спасения жизни, но ты умудрился порвать мне губу. Если об этом прознают в поместье, моей репутации конец. В лучшем случае засекут розгами по закону рода, в худшем — прощай выгодная женитьба.

— Но мы же оба парни?

— Тем пуще будет позор.

Гу Цзиньюй лгал легко и непринужденно, даже не подозревая, что каждая брошенная им сегодня ложь со временем обернется против него самого тяжелым бременем.

Прощупав почву, Гу Цзиньюй покинул Восточный лесной сад. Каждое пятнадцатое число месяца наследная принцесса всемилостивейше жаловала ему день отдыха. Вот только на эти дни вечно выпадали праздники, так что передышка выходила призрачной, словно дым над углями: то ли отдых, то ли новая кабала.

Чжу Ми вызвался проводить его до ворот. Отослав младшего брата вперед, Гу Цзиньюй неторопливо зашагал по дорожке, вполуха слушая шорох шагов, и негромко обронил:

— Твой брат неплохо устроился в столице. Третья принцесса находит его весьма забавным.

Чжу Ми почтительно склонил голову:

— Чжу Лю глуповат от природы. Лишь благодаря вашей милости и наставлениям он держится на плаву.

— Не стоит принижать его достоинств. Сильные мира сего ценят простодушие, в этом и есть его сила, — сухо оборвал его Гу Цзиньюй, давая понять, что тема закрыта. — И помни: твоей заветной цели никто не поможет достичь, кроме меня.

— Я знаю, — глухо отозвался управляющий. — За наследным княжичем я тоже пригляжу.

Гу Цзиньюй безучастно кивнул, но перед самым уходом его взгляд на мгновение посуровел:

— И за Гу Сяодуном следи в оба глаза.

— Недотепа, — согласился Чжу Ми. — Князь на него и смотреть не желает.

— Глуп-то он глуп, зато лицом пошел в обоих родителей, унаследовав лишь лучшее. Если не выйдет выковать из него преданного слугу, приспособим к другому делу. Польза от него точно будет.

Гу Цзиньюй и сам не мог толком понять, что чувствует к этому злосчастному настоящему наследнику. Сердце его давно очерствело: сам он напоминал засохшее бревно и на всех прочих взирал как на трухлявые щепки. Но в Гу Сяодуне теплилась странная, притягательная

живость, свойственная лишь ему одному. Это беспокоило и интриговало.

Интуиция подсказывала Гу Цзинью, что этот простофиля ему не по душе. Однако среди столичных щеголей и изнеженных вельмож наверняка найдутся те, кто сойдет с ума по этой чистой, неискушенной душе.

Заметив тень на лице господина, Чжу Ми осторожно спросил:

— А сегодня утром... это было?..

— Пустяк, — отрезал Гу Цзинью. — Больше подобного не случится.

Управляющий не стал расспрашивать дальше. Он знал своего господина с малых лет. Этот признанный баловень судьбы и первый ум в роду отличался редким упрямством и идеальным нравом, за исключением одной тайной причуды: время от времени он тихо пытался свести счеты с жизнью, чтобы затем с ледяным упрямством цепляться за нее вновь.

Откуда рос этот корень безумия, Чжу Ми смутно догадывался, но лезть с расспросами слуге не пристало. Ему оставалось лишь молча наблюдать со стороны.

Проводив это безупречное творение рода Гу, управляющий вернулся в дом. Гу Сяодун уже вылез из своего чана и теперь увлеченно развлекал себя сам, точно малое дитя. Чжу Ми невольно подумал: хватит ли у этого недоросля терпения и ума, чтобы выдержать суровую школу выучки, уготованную ему в родных стенах?

Однако стоило новому барину завидеть слугу, как он тут же решил самолично «проучить» сурового сухаря:

— Братец Чжу! Да улыбнись ты хоть разок! Смотри, как надо.

Гу Сяодун растянул рот в обезоруживающей, лучезарной улыбке. Надо признать, от этого простого зрелища на душе у любого сразу становилось чуточку теплее.

Чжу Ми лишь приподнял бровь:

— Молодой господин, еще на рассвете вы заливались слезами, бродя без цели по саду, а теперь сияете ярче весеннего солнца?

Гу Сяодун тем временем усердно выжимал мокрые волосы, бережно промокивая их концы ладонями. Ему не нужны были слуги — он привык заботиться о себе сам.

— Когда тошно — плачешь, когда весело — смеешься. Разве другие живут как-то иначе?

Чжу Ми мысленно перебрал всех, кого знал в этой жизни. Никто не походил на этого странного юношу.

Таких людей не водилось в роду Гу. Пожалуй, их не нашлось бы и во всем Чанло.

Этот парень определенно был белой вороной.

<http://bllate.org/book/20609/2106625>